

Федор Михайлович Достоевский

СЛАБОЕ СЕРДЦЕ

Повесть

Под одной кровлей, в одной квартире, в одном четвертом этаже жили два молодые сослуживца, Аркадий Иванович Нефедевич и Вася Шумков... Автор, конечно, чувствует необходимость объяснить читателю, почему один герой назван полным, а другой уменьшительным именем, хоть бы, например, для того только чтоб не сочли такой способ выражения неприличным и отчасти фамильярным. Но для этого было бы необходимо предварительно объяснить и описать и чин, и лета, и звание, и должность, и, наконец, даже характеры действующих лиц; а так как много таких писателей, которые именно так начинают, то автор предлагаемой повести, единственно для того, чтоб не походить на них (то есть, как скажут, может быть, некоторые, вследствие неограниченного своего самолюбия), решается начать прямо с действия. Кончив такое предисловие, он начинает.

Вечером, накануне Нового года, часу в шестом, Шумков воротился домой. Аркадий Иванович, который лежал на кровати проснулся и вполглаза посмотрел на своего приятеля. Он увидал, что тот был в своей превосходнейшей партикулярной паре и в чистейшей манишке. Это, разумеется, его поразило. "Куда бы ходить таким образом Васе? да и не обедал он дома!" Шумков между тем зажег свечку, и Аркадий Иванович немедленно догадался, что приятель собирается разбудить его нечаянным образом. Действительно, Вася два раза кашлянул, два раза прошелся по комнате и, наконец, совершенно нечаянно выпустил из рук трубку, которую было стал набивать в уголку, возле печки. Аркадия Ивановича взял смех про себя.

- Вася, полно хитрить! - сказал он.

- Аркаша, не спишь?

- Право, наверное не могу сказать; кажется мне, что не сплю.

- Ах, Аркаша! здравствуй, голубчик! Ну, брат! ну, брат!.. Ты не знаешь, что я скажу тебе!

- Решительно не знаю; подойди-ка сюда.

Вася, как будто ждал того, немедленно подошел, никак не ожидая, впрочем, коварства от Аркадия Ивановича. Тот как-то преловко схватил его за руки, повернул, подвернул под себя и начал, как говорится, "душить" жертвочку, что, казалось, доставляло неимоверное удовольствие веселому Аркадию Ивановичу.

- Попался! - закричал он, - попался!

- Аркаша, Аркаша, что ты делаешь? Пусти, ради бога, пусти, я фрак замараю!..

- Нужды нет; зачем тебе фрак? зачем ты такой легковёрный, что сам в руки даешься? Говори, куда ты ходил, где обедал?

- Аркаша, ради бога, пусти!

- Где обедал?

- Да про это-то я и хочу рассказать.

- Так рассказывай.

- Да ты прежде пусти.

- Так вот нет же, не пушу, пока не расскажешь!

- Аркаша, Аркаша! да понимаешь ли ты, что ведь нельзя, никак невозможно! - кричал слабосильный Вася, выбиваясь из крепких лап своего неприятеля, - ведь есть такие материи!..

- Какие материи?..

- Да такие, что вот о которых начнешь рассказывать в таком положении, так теряешь достоинство; никак нельзя; выйдет смешно - а тут дело совсем не смешное, а важное.

- И ну его, к важному! вот еще выдумал! Ты мне рассказывай так, чтоб я смеяться хотел, вот как рассказывай; а важного я не хочу; а то какой же ты будешь приятель? вот ты мне скажи, какой же ты будешь приятель? а?

- Аркаша, ей-богу, нельзя!

- И слышать не хочу...

- Ну, Аркаша! - начал Вася, лежа поперек кровати и стараясь всеми силами придать как можно более важности словам своим. - Аркаша! я, пожалуй,